

БИБЛИОТЕКА НЕПРОЖИТЫХ ЖИЗНЕЙ

Дмитрий Правдин

Дмитрий Правдин

Библиотека

непрожитых жизней

<https://litres.ru/74632217>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алексей всегда жил по расписанию: дедлайны, карьера, стабильность. Но однажды его сердце просто остановилось. Очнувшись, он обнаружил себя не в раю и не в аду, а в бесконечной Библиотеке. Здесь хранятся книги не только прожитых, но и непрожитых жизней — всех тех вариантов судьбы, от которых мы отказались из-за страха. Чтобы обрести покой, Алекс должен прочитать свои «теневые» тома и понять: был ли его выбор ошибкой? Вместе с циничной художницей Майей и мудрым стариком Виктором он отправится в путешествие по альтернативным реальностям. Смогут ли они простить себя за упущенные шансы и найти настоящую любовь в мире чужих сожалений? Глубокая и трогательная история о том, что неправильных выборов не существует, а жизнь начинается там, где заканчивается страх.

Содержание

Пролог. Письмо, которое никто не отправит	4
Глава 1. Пыль, тишина и забытый уют	8
Глава 2. Бюрократия вечности и зеленый планшет	14
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Дмитрий Правдин

Библиотека

непрожитых жизней

Пролог. Письмо, которое никто не отправит

Санкт-Петербургский дождь не идет. Он висит в воздухе, мелкий, колючий, проникающий под кожу. Он не стучит по стеклам, а шуршит — тихо, бесконечно, как шепот старых сплетен.

Елена Петровна сидела за письменным столом из темного ореха. Стол был завален счетами, старыми фотографиями в серебряных рамках и пожелтевшими билетами в театр, которые она так и не выбросила. Свет в квартире был тусклым, свинцовым, таким же, как небо за окном. Лампа с зеленым абажуром отбрасывала на столешницу узкий круг желтого света, за пределы которого она старалась не смотреть. Там, в темноте комнаты, время шло слишком быстро.

В прихожей, прислоненный к вешалке, стоял зонт. Цвета спелой вишни.

Елена посмотрела на него. Ткань была слегка потертой,

один из спиц сломан и аккуратно замотан синей изолентой. Она купила этот зонт сорок лет назад. В тот самый день.

Ее рука, тонкая, с проступающими под кожей синими венами, дрогнула. Она обмакнула перо в чернильницу. Чернила были густыми, почти черными, цвета петербургской ночи.

«Я пишу это письмо не для того, чтобы его кто-то прочитал, — вывела она каллиграфическим, но неуверенным почерком. — Я пишу его, потому что молчать больше невыносимо. Тишина в этой квартире стала слишком громкой. Она давит на уши, на грудь, на самое сердце.»

Она оторвала взгляд от бумаги и снова посмотрела на зонт.

Ей было тогда двадцать три года. Она стояла под этим самым зонтом на противоположной стороне Невского, рядом с Дмитрием. Дмитрий говорил. Он всегда говорил. Он говорил о гранте, о попечителях, о том, как важно произвести правильное впечатление, о том, что искусство должно быть дисциплинированным. Его голос был ровным, уверенным, как метроном.

А она смотрела сквозь дождь.

На той стороне улицы, в толпе людей, спешащих укрыться от непогоды, она увидела его. Молодого человека в растянутом свитере и промокших кроссовках. Он стоял, вжавшись в стекло автобусной остановки, и смотрел прямо на нее.

Она помнила его глаза. Темные, полные такой неподдельной, пугающей тревоги, что у нее перехватило дыха-

ние. В этот короткий миг, пока автобус закрывал их собой, она почувствовала странное, почти физическое ощущение. Ощущение развилки. Ощущение того, что ее жизнь — эта правильная, выверенная, безопасная жизнь с Дмитрием — вдруг дала трещину.

Ей захотелось бросить зонт. Забежать в автобус. Сесть рядом с этим незнакомцем и спросить: «Куда мы едем?».

Но она не сделала этого. Она лишь крепче сжала ручку зонта, почувствовав, как холодный пластик впивается в ладонь, и кивнула Дмитрию, когда тот спросил, слушает ли она его.

«Мы всю жизнь боимся сделать неправильный выбор, — продолжала писать Елена, чувствуя, как слеза скатывается по щеке и падает на бумагу, оставляя темное пятно. — Мы думаем, что если будем идти по прямой линии, если будем слушаться родителей, учителей, мужей, если будем платить налоги вовремя и не повышать голос, то мы будем в безопасности. Мы думаем, что безопасность — это и есть жизнь.»

Рука ее устала. Пальцы ныли от артрита, но она не оставливалась. Ей нужно было выплеснуть это. Выпустить наружу то, что копилось в ней десятилетиями, превращаясь в тихую, разъедающую душу кислоту.

«Но я поняла одну вещь. Только сейчас, когда врачи разводят руками, а часы на стене тикают так громко, что заглушают шум дождя. Я поняла, что самое страшное —

это не ошибиться. Не упасть. Не разбить коленки в кровь. Не остаться без денег и без статуса.»

Она сделала глубокий, прерывистый вдох. Воздух в комнате казался спертым, пахло старыми книгами и увядшими цветами из вазы на комод.

«Самое страшное — это никогда не попробовать. Прожить жизнь так, чтобы она не оставила после себя ни единой царапины. Ни единого шрама. Я была хорошей женой. Я была хорошей матерью. Я была хорошим сотрудником музея. Но я никогда не была собой. Я была тенью, которая боялась оторваться от стены.»

Елена посмотрела на свои руки. Они дрожали все сильнее. Чернильное пятно на бумаге расплывалось, превращаясь в маленькое черное озеро.

«Если бы я могла вернуться назад, — вывела она, и буквы стали крупнее, неровнее. — Если бы я могла вернуться в тот дождливый день, я бы не стала ждать, пока он подойдет ко мне. Я бы просто перешла улицу. Я бы подошла к нему и сказала...»

Перо дрогнуло. Чернила капнули на бумагу, перечеркивая последнее слово.

Елена Петровна медленно опустила руку. Голова ее склонилась на грудь. Дыхание стало тихим, почти неслышным, сливаясь с шуршанием дождя за окном.

А зонт цвета спелой вишни так и остался стоять в прихожей. Ждать.

Глава 1. Пыль, тишина и забытый уют

Алекс открыл глаза и первым делом подумал о дедлайне. Это было странно. Смерть, если вдуматься, должна была бы освобождать от подобных мыслей. Или хотя бы заменять их чем-то более фундаментальным: ослепительным светом в конце тоннеля, хором ангелов, поющим многоголосием, или, на худой конец, леденящим ужасом перед бездной небытия. Но привычка — вторая натура, а у Алексея Игоревича Алексеева, технического директора успешной IT-корпорации «СтримЛайн», первая натура была соткана из графиков Ганта, таблиц Excel, ключевых показателей эффективности (KPI) и тревожного, почти физического ожидания понедельника.

Он лежал на полу. Пол был деревянным, натертым до такого блеска, что в нем, казалось, отражались не только его собственные ботинки из телячьей кожи, но и его мысли — хаотичные, обрывочные, полные цифр и недосказанных фраз. Пахло воском, старой бумагой и чем-то неуловимо сладковатым, напоминающим о увядших розах в вазе на столе забытого бюрократа XIX века. Этот запах был одновременно уютным и тревожным, как дом бабушки, в который вы возвращаетесь после десяти лет отсутствия и пони-

маете, что все здесь осталось прежним, кроме вас самих.

Над головой, теряясь в сумраке, уходили вверх стеллажи. Они были такими высокими, что казались небесными столбами, держащими свод какого-то гигантского, забытого богами храма знаний. Полки ломились от книг. Книги были разные: в тяжелых кожаных переплетах с золотым тиснением, в дешевых бумажных обложках, потертых временем, в виде древних свитков, пожелтевших пергаментов и даже странных светящихся пластин, которые пульсировали тихим голубым светом. Некоторые книги были толстыми, как кирпичи, другие — тонкими, как листовки. Некоторые стояли ровно, другие валялись в беспорядке, словно их кто-то в спешке сбросил с полки.

— Если вы ищете отдел «Как стать миллионером за три дня», то он вон там, за углом, рядом с разделом «Почему коты игнорируют ваши звонки» и подразделом «Искусство малых дел для больших эго», — раздался ленивый, немного насмешливый голос.

Алекс приподнялся на локтях. Рядом, на низком табурете, который раньше он точно не замечал, сидела девушка. Она была одета в платье, которое когда-то, возможно, было модным — ярким, с принтом, напоминающим взрыв на макаронной фабрике, — а теперь выглядело просто удобным и слегка помятым, будто она проспала в нем неделю. На коленях у нее лежала толстая книга в кожаном переплете, но она не читала. Она смотрела в потолок и крутила в пальцах

прядь темных, непослушных волос.

— Где я? — спросил Алекс. Голос прозвучал хрипло, словно он не пользовался им лет сто. Или, по крайней мере, со вчерашнего совещания, где он три часа объяснял команде, почему нельзя использовать слово «попробуем» в отчете для инвесторов.

— В Библиотеке, — ответила девушка, не отрывая взгляда от потолка. — Точнее, в Предбаннике. Хотя тут нет предбанника, как такового. Нет ни вешалок, ни резиновых ковров. Есть только Зал Непрожитого. Меня зовут Майя. А вы, судя по выражению лица человека, который только что обнаружил, что забыл выключить утюг перед смертью, — новенький.

Алекс ощупал себя. Костюм был на месте. Дорогой, темно-синий, идеально сидящий. Галстук тоже. Только вот галстук казался лишним. Как и сам костюм. Как и он сам в этом костюме. Он почувствовал странную легкость в теле, будто гравитация здесь работала иначе, или будто его тело стало менее плотным, более прозрачным.

— Я умер? — уточнил он, на всякий случай. Логика подсказывала, что вопрос риторический, но Алексу всегда требовалось подтверждение фактов. Цифры. Статистика. Протокол. Без этого мир казался ему ненадежным, шатким constructom.

— Технически — да, — вздохнула Майя, наконец опустив взгляд. Глаза у нее были темные, глубокие, цвета старого ко-

фе, и совершенно не испуганные. Скорее, сгущающиеся. С той особой скукой, которая появляется у людей, слишком долго ждущих автобус на пустой остановке. — Фактически — вы застряли. Это хуже. Смерть — это конец, точка, многоточие. Финал титров. А здесь... здесь только начало бюрократии. И поверьте, здешняя бюрократия куда изощреннее любой налоговой.

Из темноты между стеллажами вышел старик. Он нес под мышкой стопку книг, которая угрожала рассыпаться в любой момент. Старик был маленького роста, в вязаной жилетке серого цвета, поверх которой был надет пиджак с латками на локтях — не от бедности, а от какой-то странной, интеллигентской небрежности. Он посмотрел на Алекса поверх очков, сползших на самый кончик носа, и кивнул. Кивок был медленным, взвешенным, как печать на важном документе.

— Добро пожаловать, молодой человек, — сказал он тоном учителя, который уже двадцать лет объясняет одному и тому же классу, почему нельзя есть мел, и почему мел вообще не едят. — Меня зовут Виктор. Не пугайтесь, мы не кусаемся. Библиотекари — те кусаются, но они приходят только по расписанию. А сейчас у нас перерыв на чай. Чай здесь, должен заметить, превосходный. Хотя и напоминает забвение.

Алекс встал, отряхнул пыль с брюк. Пыль была странной: она не пачкала руки, а скорее оседала на них тонким слоем памяти. Он огляделся. Вокруг стояла такая тишина, что

было слышно, как пылинки танцуют в лучах света, пробивающихся откуда-то сверху. Эта тишина давила. Она была не пустой, а наполненной миллионами несказанных слов, невыплаканных слез, нереализованных идей и несделанных выборов. Тишина здесь имела вес.

— Что мне нужно делать? — спросил Алекс, чувствуя, как внутри закипает привычное раздражение. Раздражение на ситуацию, которую он не мог контролировать. — Я хочу поговорить с менеджером. Или с тем, кто здесь главный. У меня есть вопросы по поводу качества обслуживания в момент смерти. Сервис был ниже плинтуса. Я даже не успел отправить отчет за квартал. Команда останется без премий. Это непрофессионально.

Майя фыркнула, закрывая книгу с глухим хлопком. — Менеджера нет, Алекс. Здесь нет менеджеров, HR-директоров и тимлидов. Есть только Книги. Ваша жизнь — вот она. — Она указала пальцем в темноту, где стеллажи уходили в бесконечность, теряясь в тумане. — И жизни, которые вы *не* прожили — они тоже здесь. Каждая ветка, каждый поворот, каждое «а что, если бы». Чтобы уйти... ну, скажем так, чтобы обрести покой и раствориться в Тишине, нужно прочитать их все. И понять, почему вы выбрали именно ту, которую выбрали. Понять цену своего выбора.

— А если я не хочу читать? — уперся Алекс, скрестив руки на груди. Жест был защитным, детским. — Я хочу обратно. У меня проект горит. Если я не подпишу документы

до обеда, вся система рухнет. Клиенты начнут звонить.

Виктор мягко улыбнулся, и в этой улыбке было столько грусти, столько понимания человеческой суеты, что Алексею вдруг стало не по себе. Ему захотелось отвернуться, спрятать глаза.

— Проект не горит, Алексей Игоревич, — сказал он тихо, почти шепотом. — Он сгорел вместе с вами. Вместе с вашим сердцем, которое, судя по всему, не выдержало нагрузки. Оно просто остановилось. Как старый мотор. А здесь горит только одно — сожаление. И пока оно не догорит дотла, пока вы не примете пепел своих ошибок, вы будете бродить среди этих полок. Так что предлагаю начать с чая. Чай здесь неплохой. Бергамот. Или что-то в этом роде.

Алекс посмотрел на свои руки. Они дрожали. Впервые за десять лет он ничего не планировал. И от этой свободы, от этой абсолютной, пугающей неопределенности ему стало страшно до тошноты.

— Хорошо, — сказал он тихо, сдаваясь. — Где чай?

Глава 2. Бюрократия вечности и зеленый планшет

Чай оказался на удивление хорошим. Он был горячим, крепким и пах бергамотом, хотя ни в одном из пакетиков, которые Виктор достал из жестяной банки с надписью «Для особых случаев» (надпись была сделана карандашом, дрожащей рукой), бергамота не наблюдалось. Скорее всего, вкус создавался силой убеждения или коллективной памятью о том, каким чай *должен* быть в приличном обществе.

Они сидели за небольшим круглым столиком, который материализовался из ниоткуда прямо посреди прохода между секциями «Нереализованных амбиций» и «Случайных встреч». Стол был деревянным, покрытым царапинами, словно его использовали для резки хлеба во время осады крепости. Майя лениво мешала ложечкой сахар, которого тоже не было — она просто водила металлическим кружком по дну чашки, создавая ритмичный, гипнотический звук. *Дзынь-дзынь-дзынь*. Виктор пил из блюдца, прищурившись, как истинный ценитель, и иногда дул на поверхность жидкости, хотя пар от нее не шел.

Алекс держал чашку обеими руками, пытаясь согреть пальцы, которые всё еще предательски дрожали. Тепло фарфора было единственным реальным ощущением в этом ми-

ре, который казался слишком четким, чтобы быть сном, и слишком странным, чтобы быть реальностью.

— Так что же это за место? — спросил Алекс, нарушая тишину. Тишина здесь была плотной, как вода. В ней можно было утонуть. — Чистилище? Ад для интровертов? Реабилитационный центр для трудоголиков?

— Библиотека, — терпеливо повторил Виктор, ставя блюдце на стол с легким стуком. — Хранилище вариантов. Видите ли, Алексей Игоревич, человеческая жизнь — это не прямая линия. Это не вектор, направленный из точки А в точку Б. Это дерево. Ветвистое, запутанное, безумно красивое дерево. В каждой точке выбора ветвь разделяется. Вы пошли налево — одна жизнь. Направо — другая. Но дерево растет только в одну сторону: вверх, к свету, к солнцу. А все остальные ветки... они остаются висеть в воздухе. Недостигаемые. Непрожитые. Они существуют параллельно, как тени.

— И мы здесь, чтобы их собрать? — уточнила Майя, зевая так широко, что Алекс испугался, не вывихнет ли она челюсть.

— Чтобы их *осознать*, — поправил Виктор, глядя на нее поверх очков. — Душа не может уйти в Тишину, если онаотягощена весом «а что, если бы?». Этот вес тянет вниз, как якорь. Здесь, в Библиотеке, мы снимаем этот груз. Мы проживаем эти варианты, чтобы понять: были ли они лучше? Или просто другими? Были ли они счастьем или просто другой формой несчастья?

Алекс хмыкнул. Звук получился сухим, неубедительным.— Звучит как терапия. Дорогая терапия. С элементами когнитивно-поведенческого подхода и экзистенциального кризиса.

— Бесплатная, — заметила Майя, перестав мешать воображаемый сахар. — Но с пожизненной подпиской. Пока не выздоровеешь. А выздоравливают здесь редко. Большинство просто привыкает к пыли.

Внезапно воздух вокруг них стал холоднее. Не постепенно, а резко, скачком, будто кто-то открыл дверь в морозильную камеру. Свет ламп (откуда они взялись, Алекс не заметил; они висели на тонких проводах, похожих на паутину) замерцал, издав низкое, тревожное гудение. Из глубины зала, там, где тени были гуще, чем обычно, и где книги казались черными прямоугольниками, раздался звук шагов.

Четкий. Ритмичный. Раздражающе правильный.

Цок. Цок. Цок.

Звук каблучков по деревянному полу. Не спешащий, но неотвратимый, как тиканье часов перед взрывом.

Появился мужчина.

Он был одет в серый костюм-тройку, который сидел на нем так идеально, что казалось, его сшили не из ткани, а из самого воздуха, из правил внутреннего распорядка и из холодной логики. Ни одной складки. Ни одной пылинки. Волосы были зачесаны назад с математической точностью, каждый волосок лежал на своем месте, подчиняясь невидимо-

му закону. В руках он держал планшет, который светился неприятным бледно-зеленым светом, отбрасывая на его лицо мертвенные блики.

Это был Элиас.

Он подошел к столику, не глядя на героев, и начал водить пальцем по экрану планшета. Движения были быстрыми, нервными, но контролируемыми.

— Так-так-так, — произнес он голосом, который звучал как шуршание сухих листьев по асфальту осенью. Голос был лишен эмоций, лишен тепла, лишен даже простого человеческого участия. — Новоприбывший. Алексей Игоревич Алексеев. Тридцать пять лет. Причина выбытия: острая сердечная недостаточность на фоне хронического игнорирования собственных потребностей, злоупотребления кофеином и подавления эмоциональных реакций. Скучно. Очень скучно. У нас в этом месяце переизбыток инфарктов среди IT-специалистов и менеджеров среднего звена. Вы даже не представляете, какая это головная боль для отдела сортировки. Приходится расширять архив «Корпоративного выгорания». Добавлять новые полки. А места нет.

Алекс моргнул. Он почувствовал себя насекомым, которое рассматривают под микроскопом.— Простите?

Элиас наконец поднял взгляд. Его глаза были серыми, как бетонная стена в пасмурный день, и абсолютно лишенными любопытства. В них не было ни жалости, ни интереса, только оценка данных.— Я говорю о темпах вашего осознания,

господин Алексеев. Вы здесь уже... — он сверился с планшетом, нахмутив брови, словно цифра его разочаровала, — ...четырнадцать минут и тридцать две секунды. За это время среднестатистическая душа успевает пройти пять стадий отрицания, одну стадию торга и перейти к конструктивному изучению каталога. Вы же стоите и смотрите на пыль. Пыль, смею заметить, является важным элементом экосистемы Библиотеки. Она состоит из забытых воспоминаний. Не мешайте ей оседать. Это неуважение к чужой памяти.

Майя закатила глаза так сильно, что, казалось, увидела свой собственный мозг, покрытый пылью воспоминаний. — Элиас, оставь его. Он еще не понял, что дедлайна больше нет. Он в шоке. Дай ему прийти в себя. Ты же видишь, он дрожит.

— Дедлайн есть всегда, Майя, — отрезал Куратор, не повышая голоса, но делая акцент на каждом слове, будто забивая гвозди. — Просто теперь он называется «Вечность». И он бесконечно длинный, если вы не начнете работать. А работа у вас одна: чтение. Чтение и осознание. Без этого вы здесь навсегда. А поверьте, вечность в компании с собственными сожалениями — это не отпуск в Турции.

Элиас щелкнул пальцами. Звук был громким, как выстрел, эхом прокатившимся по залу. Где-то в глубине, среди бесконечных рядов полок, раздался глухой удар, похожий на падение тяжелого тома. Затем послышался скрип полок, визг металла о металл, словно кто-то невидимый, но очень

сильный, выдвигал огромный ящик картотеки.

— Книга 402-Б, — объявил Элиас тоном диктора, зачитывающего приговор к высшей мере наказания. Голос его эхом отразился от высоких сводов. — «Жизнь, в которой вы выбрали кафедру истории искусств вместо должности технического директора». Рекомендуются к прочтению в первую очередь. Там много пыли, мало денег, много споров о перспективе в живописи и отличные стихи. И главное — там нет вашего текущего инфаркта.

Алекс почувствовал, как внутри все сжалось. Холодная волна прошла по спине. Кафедра истории искусств. Он вспомнил этот момент. Ему было двадцать три года. Он стоял перед деканом, худым человеком с лицом, похожим на сушеную грушу, который предлагал ему грант на исследование византийской мозаики. Грант был маленьким, зарплата — смешной. И одновременно ему звонил рекрутер из крупной tech-компании с предложением зарплаты, которая казалась космической, с опционами, с медицинской страховкой, с перспективой стать директором через пять лет. Алекс выбрал деньги. Он сказал себе, что искусство подождет. Что он вернется к нему потом, когда обеспечит себе базу. Искусство не ждало. Оно просто исчезло, растворившись в коде, багах, совещаниях и отчетах за квартал.

— Я не хочу туда, — тихо сказал Алекс. Голос дрогнул. Ему стало стыдно за эту дрожь, но он не мог ее контролировать.

— Желание не имеет юридического веса в юрисдикции Библиотеки, — парировал Элиас, делая пометку в планшете стилусом. Щелк стилуса был похож на щелчок затвора фотоаппарата, фиксирующего неудачу. — Вы хотите вернуться в свою жизнь? Вы не можете. Тело утилизировано. Кремация назначена на завтра. Вы хотите в Рай? Вы не набрали баллов доброты, только баллы эффективности. А эффективность здесь не ценится. Хотите в Ад? Вы слишком скучны для Ада. Там ценят страсть, даже негативную. Гнев, ярость, лютовь. У вас ничего этого нет. Только страх и расчет. Вам остается только понять, кто вы есть на самом деле. А для этого нужно прожить того Алексея, который остался в университете. Того, кого вы предали.

Виктор шагнул вперед, положив руку на плечо Алекса. Рука была теплой, тяжелой и успокаивающей, как камень у очага. — Послушай, сын мой, — сказал он мягко. — Элиас прав, хоть и невыносим в своей манере. Он говорит правду, но упаковывает её в яд. Эта книга... она не покажет тебе «лучшую» жизнь. Она покажет тебе *другую*. И, возможно, ты увидишь там то, чего не заметил в своей. Страхи те же. Ошибки те же. Только декорации другие. Вместо офиса — аудитория. Вместо акций — гранты. Но суть человека не меняется от декораций.

Алекс посмотрел на темный проход между стеллажами, откуда доносилось эхо упавшей книги. Ему стало страшно. Не смерти, а того, что он увидит там себя настоящего. Того,

кем он мог бы стать, если бы не испугался бедности. Если бы не предал свою мечту ради комфорта. Он боялся увидеть, что тот, другой Алекс, был счастливее. Или хуже того — что он был таким же несчастным, но зато честным.

— Как это работает? — спросил он, чувствуя, как горло пересыхает. Ему хотелось выпить еще чая, но чашка была пуста.

— Вы берете книгу, — объяснила Майя, подходя ближе. Ее лицо вдруг стало серьезным, исчезла маска скуки и цинизма. В глазах появилась тревога. — Вы открываете её. И всё. Больше ничего не нужно делать. Вы проснетесь уже там. В том дне, когда вы приняли решение. Вы будете помнить всё, что знаете сейчас, но ваши эмоции будут эмоциями того молодого парня. Вы будете чувствовать его страх, его надежду, его растерянность. Это больно, Алекс. Предупреждаю. Больно осознавать упущенное. Больно видеть дорогу, по которой ты не пошел.

— Почему вы помогаете мне? — вдруг спросил Алекс, глядя на Майю. — Вам ведь тоже нужно читать свои книги. Зачем тратить время на новичка? Зачем вам эта возня?

Майя улыбнулась, но улыбка вышла грустной, почти прозрачной, как стекло. — Потому что я знаю, каково это — бояться открыть первую страницу. Страх парализует. Он делает тебя частью мебели. А Виктор... ну, Виктор просто любит наблюдать за людьми. Это его хобби. Вместе с чаепитием и разгадыванием кроссвордов, которые он сам же и составля-

ет.

Элиас тяжело вздохнул, посмотрел на запястье, где часов не было, но он явно проверял время, и махнул рукой. Жест был небрежным, -dismissive.— У вас есть час на подготовку. Хотя какая может быть подготовка к собственной жизни? Нелепо. Идите. Книга ждет. И помните: если вы застрянете в чувствах и откажетесь возвращаться в Библиотеку после прочтения главы, мы придем и вытащим вас силой. А процедура принудительной экстракции души крайне неприятна. Похожа на удаление зуба без анестезии, только удаляют саму личность. И потом используют её как закладку для книг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.